

ФЛАВИЯ де ЛЮС
ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

ТРИЖДЫ ПЕСТРЫЙ
— кот —
МЯУКНУЛ

АЛАН БРЭДЛИ

Загадки Флави де Люс

Алан Брэдли

Трижды пестрый кот мяукнул

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Брэдли А.

Трижды пестрый кот мяукнул / А. Брэдли — «АСТ»,
2016 — (Загадки Флавии де Люс)

ISBN 978-5-17-102570-0

После исключения из женской академии мисс Бодикот в Канаде двенадцатилетней Флавии де Люс не терпится вернуться домой, в Англию. Но там девочку ожидают печальные известия: ее отец болен, и к нему не пускают. Под ногами у Флавии вертятся окаянные сестры и несносный кузен, и ей становится скучно в Букшоу. По поручению жены викария Флавия мчится на своем верном велосипеде «Глэдис» к дому резчика по дереву мистера Сэмбриджа, чтобы передать тому весточку. Увидев, что дом открыт, Флавия заходит внутрь и натывается на тело несчастного, висящее вниз головой на двери в спальню. Единственное живое существо, замеченное девочкой в доме – это кот. Флавию вдохновляет перспектива нового расследования. Но то, что ждет юную сыщицу впереди, потрясет ее до глубины души.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102570-0

© Брэдли А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

1	7
2	20
3	27
4	33
5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алан Брэдли

Трижды пестрый кот мяукнул

Alan Bradley

THRICE THE BRINDED CAT HATH MEW'D

Copyright © 2016 by Alan Bradley

© Измайлова Е.Г., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Ширли – тогда, сейчас и всегда

1-я ведьма

*Трижды пестрый кот мяукнул.
Слышишь, слышишь ли, сестра?*

2-я ведьма

Пискнул ежик, дятел стукнул.

3-я ведьма

Гарный крик: Пора, пора!

1-я ведьма

*Кругом, сестры! Сестры, в ряд!
И в котел бросайте яд.
Жабы слизистый отстой,
Что под холодной плитой
Тридцать суток проспала,
Бросьте первым в глубь котла.*

Все

*Пламя, взвейся и гори!
Наш котел, кипи, вари!*

2-я ведьма

*Ты, змеи болотной жир,
Закипай, чтоб вышел пир.
Пса язык бросайте вы,
Кровь ехидн, крыло совы,
Ящериц, нетопыря,
Чтоб котел кипел, варя.
Пусть растет заклятье чар
И клокочет адский взвар.*

Все

*Пламя, взвейся и гори!
Наши котел, кити, вари!¹*

¹ В. Шекспир. «Макбет». Акт четвертый, сцена I. Перевод С. Соловьева.

1

Дождь хлещет по лицу ледяными струями, но мне наплевать. Я прячу подбородок в воротник макинтоша, опускаю голову и пробиваюсь сквозь буйствующие стихии.

Упорно кручу педали велосипеда по направлению к Бишоп-Лейси, спасаясь от адских тварей.

Последние двадцать четыре часа были сущим кошмаром. Все, о чем я могла думать, – как убраться из Букшоу подальше.

Подо мной отчаянно скрипят колеса «Глэдис». Пронзительный холод пробирает ее стальные кости насквозь и заставляет поскрипывать резиновые сухожилия. Она сильно вздрагивает на скользком асфальте и угрожает вот-вот слететь с дороги и сбросить меня в ледяную канаву.

Мне хочется кричать навстречу ветру, но я молчу. Хотя бы одна из нас должна контролировать себя.

Я пытаюсь навести порядок в мыслях.

Сначала меня выдворили в Канаду, затем еще раз, только теперь уже из женской академии мисс Бодикот (можно считать или не считать это двойной немилостью), должна признать, что я с нетерпением ждала воссоединения с семьей: отцом, двумя старшими сестрами Фели и Даффи; кухаркой и домоправительницей мисс Мюллет, а самое главное – с Доггером, отцовским помощником и мастером на все руки.

Как и любой путешественник через Атлантику, я днем и ночью мечтала о возвращении в Англию. Отец, Фели и Даффи, конечно же, встретят меня в порту, а может быть, своим присутствием меня почтит даже тетушка Фелисити. Они будут размахивать плакатами со словами «Добро пожаловать домой, Флавия», воздушными шариками и всем таким. Разумеется, они будут делать это скромно, ведь мы, де Люсы, не любим выставлять чувства напоказ.

Но когда корабль, наконец, пришвартовался в Саутгемптоне, под дождем, спрятавшись под темным зонтиком, стоял только Доггер.

Разлука странно повлияла на меня, поэтому, вместо того чтобы броситься ему на шею, каков был мой изначальный план, я сдержанно протянула ему руку. И сразу же пожалела об этом. Но слишком поздно, момент упущен, возможности больше нет.

– Боюсь, я принес плохие новости, мисс Флавия, – сказал Доггер. – Полковник де Люс болен. Он лежит в больнице с воспалением легких.

– Отец? В больнице? В Хинли?

– К сожалению, да.

– Мы должны поехать навестить его, – сказала я. – В котором часу мы можем там быть?

– Нам предстоит долгое путешествие, – объяснил Доггер. – В пять часов двадцать пять минут из Саутгемптона отправляется поезд, который доставит нас в Лондон на вокзал Ватерлоо, а там в семь часов мы сядем в такси, которое отвезет нас через весь город к другому вокзалу. Мы окажемся в Доддингсли только поздно вечером, а в Бишоп-Лейси, Хинли и больнице можем оказаться лишь к ночи, когда приемные часы давно закончатся.

– Наверняка доктор Дарби... – начала я.

Но Доггер печально покачал головой, и только сейчас я поняла, насколько серьезно состояние отца.

Доггер не из тех людей, которые утверждают, что все будет хорошо, зная, что это не так. Его молчание говорило само за себя.

Хотя нам так много надо было рассказать друг другу, в поезде мы говорили мало. Мы смотрели в окно, заливаемое дождем, на проносящиеся мимо пейзажи, и сгущающиеся сумерки приобретали цвет старых синяков.

Время от времени я посматривала на Доггера, но обнаружила, что разучилась читать по его лицу. Доггер многое пережил вместе с отцом в японском лагере для военнопленных во время войны, и с тех пор время от времени его мучают ужасные воспоминания, от которых он превращается в слабого хнычущего ребенка.

Однажды я спросила его, как им с отцом удалось выжить.

«Надо сохранять спокойствие в неприятных обстоятельствах», – был ответ.

Во время своего отсутствия я постоянно беспокоилась о Доггере, но судя по письмам, он, хотя и скучал по мне, чувствовал себя хорошо. За все время заточения в канадской академии я получила только одно письмо – от Доггера, что прекрасно характеризует теплоту семьи де Люс.

Ах да, конечно, еще была саркастическая приписка от моей новой кузины Ундины, которая оказалась на пороге Букшоу волею судьбы, после ужасной смерти ее матери. Место Ундины в семье оставалось непонятным, но я не возлагала на нее особых надежд. Она еще ребенок, а мне уже двенадцать лет и я знаю устройство мира намного лучше. Так что я не особенно стремилась возобновить наше знакомство. Но если, вернувшись домой, я обнаружу, что она рылась в моих вещах, пока я училась в Канаде, в усадьбе воцарятся страх и трепет.

Когда поезд подъехал к Доддингсли, уже давно стемнело. Шел дождь, такси Кларенса Мунди ожидало нас, чтобы доставить в Букшоу. Холодный влажный ветер пробирал до костей. В желтоватом тумане фонари на платформе зловеще поблескивали и нервировали меня.

– Рад видеть вас снова, мисс, – прошептал Кларенс, прикоснувшись к фуражке, когда я села в автомобиль. Больше он не сказал ни слова, как будто я актриса в костюме и гриме, которая вот-вот должна выйти на сцену из-за кулис, а он – мой менеджер, сохраняющий должную профессиональную дистанцию, чтобы не мешать мне погрузиться в роль.

Мы ехали в Букшоу в полнейшем молчании. Доггер сосредоточенно смотрел вперед, а я отчаянно вглядывалась в боковое стекло, пытаюсь проникнуть сквозь мрак.

Не тот теплый прием, на который я рассчитывала.

Миссис Мюллет встретила нас у дверей и приняла меня в свои объятия.

– Приготовила сэндвичи, – сказала она странным хриплым голосом. – Говядина и латук, твои любимые. Поставила на тумбочку рядом с кроватью. Наверняка ты утомилась.

– Благодарю, миссис Мюллет, – услышала я свой голос. – Очень любезно с вашей стороны.

Неужели это говорит Флавия де Люс? Невозможно!

В моем теперешнем состоянии куски дохлой коровы и гарнир из растений с местного огорода – это просто страх и ужас, но что-то заставило меня прикусить язык.

– Все уже легли спать, – добавила миссис Мюллет, подразумевая Фели, Даффи и, видимо, Ундину. – Сегодня был очень тяжелый день.

Я кивнула, внезапно вспомнив, как я поздно вечером приехала в женскую академию мисс Бодикот. Появления во мраке ночи становятся частью моего фирменного стиля.

Разве не странно, что мои родные не дождались меня, или я хочу слишком многого? Я отсутствовала с сентября, но наверняка кто-то из них...

Я подавила эту мысль.

Наверняка есть кто-то, кто поздравит меня с возвращением домой. Я бы обрадовалась даже языкатой Ундине. Но нет, она давно уже в кровати. Странствует по сонному царству, откуда черпает идеи для своих глупостей.

А потом я вспомнила об Эсмеральде. Эсмеральда!

Дорогая, милая, бесценная Эсмеральда, моя гордость и счастье. И неважно, что это просто курица. Любовь есть любовь, где бы ты с ней ни столкнулся. Пусть даже она таится под перьями.

– Я вернусь через секунду. Хочу проведать Эсмеральду.

– Уже поздно, милочка, – возразила миссис Мюллет, беря меня под локоть. – Тебе надо выспаться, перед тем как утром ты поедешь навестить отца.

– Нет. Хочу увидеть Эсмеральду. – Я развернулась и пошла прочь, пока она меня не остановила.

– Мисс Флавия! – крикнула она вслед, когда я шла по вестибюлю. Я быстро оглянулась и увидела, как Доггер отрицательно покачал головой.

– Эсмеральда! – тихо окликнула я, не желая испугать свою подругу. – Угадай, кто дома? Это я, Флавия!

Я открыла стеклянную дверь и потянулась к кнопке включения электричества. На секунду мои глаза ослепли от яркого света.

Клетка Эсмеральды в углу пустовала.

В моменты сильного удивления человеческий разум легко сворачивает с курса и порой заставляет нас действовать нерационально. Вот почему я приподняла клетку и заглянула под нее. Как будто Эсмеральда могла уменьшиться и стать толщиной с газетный лист, чтобы спрятаться под клеткой и подшутить надо мной по случаю моего возвращения.

Со дна клетки поднялась пыль, тут же рассеявшись от дуновения воздуха со стороны двери. Стало очевидно, что к клетке давно никто не прикасался.

– Эсмеральда?

У меня волосы встали дыбом, и я запаниковала.

– Эсмеральда!

– Прости, милочка. Мы хотели тебе сказать...

Я резко обернулась и увидела на пороге миссис Мюллет и Доггера.

– Что вы с ней сделали? – спросила я, но знала ответ еще до того, как эти слова вылетели у меня изо рта. – Вы ее съели, да? – произнесла я с холодной яростью в голосе. Перевела взгляд с одного на другую, отчаянно надеясь услышать «нет», получить простое, очевидное и безобидное объяснение.

Но нет. Да и все равно. Я бы им не поверила.

Миссис Мюллет обхватила себя руками – отчасти для защиты от холода, отчасти в знак оправдания.

– Мы хотели сказать тебе, дорогуша, – повторила миссис Мюллет.

Но им ничего не надо было мне говорить. Все и так ясно. Я уже видела эту картину мысленным взором: неожиданно открытая клетка, руки, хватающие теплое, упитанное, покрытое перьями тело, отчаянное кудахтанье, топор, кровь, ощипывание, потрошение, фаршировка, нитки, жарка, нарезка, сервированный стол... ужин.

Каннибалы.

Каннибалы!

Я локтями проложила себе дорогу и убежала в глубь дома.

Я специально выбрала себе спальню в дальнем неотапливаемом восточном крыле рядом с химической лабораторией, созданной во времена королевы Виктории для моего покойного двоюродного дедушки Тарквина. Хотя дядюшка Тар умер двадцать с лишним лет назад, его лаборатория оставалась чудом химических наук, – по крайней мере, была бы таковым, если бы о ней знали за пределами дома.

К счастью для меня, лаборатория вместе со всеми ее чудесами стояла заброшенной, пока я не прибрала ее к рукам и не начала учиться.

Я забралась в кровать и достала ключ из того места за отклеивающимися обоями, где в свое время его спрятала. Прихватив древнюю красную резиновую грелку из ящика не менее древнего комода, я отперла лабораторию и вошла внутрь.

Я поднесла спичку к бунзеновской горелке, наполнила мензурку водой и села на стол ждать, пока она закипит.

И только тогда я позволила себе горько заплакать.

Здесь, на этом самом месте Эсмеральда так часто сидела и наблюдала, как я варю себе на завтрак ее яйца в лабораторном стакане.

Полагаю, есть люди, которые попрекнут меня привязанностью к курице, но я им могу ответить только одно: «Подите к черту!» Любовь человека и животного, в отличие от любви человека к человеку, неизменна.

Я снова и снова думала о том, что, должно быть, Эсмеральда чувствовала в самом конце. Мое сердце рвалось на части с такой силой, что мне пришлось оставить эти мысли и переключиться на другого цыпленка: цыпленка, который однажды на моих глазах пытался убежать от топора, когда я проезжала мимо Бишоп-Лейси.

Я была погружена в эти мысли, когда послышался легкий стук в дверь. Я торопливо утерла глаза юбкой, высморкалась и ответила:

– Кто там?

– Это Доггер, мисс.

– Входите, – сказала я, надеясь, что мой голос чуть теплее арктических льдов.

Доггер тихо вошел в лабораторию. Заговорил, так что мне не пришлось делать это первой.

– Что касается Эсмеральды, – начал он и умолк в ожидании моей реакции.

Я сглотнула, но умудрилась сделать так, чтобы мои губы не дрожали.

– Полковник де Люс должен был ехать в Лондон по делам, связанным с налогами. В поезде он вступил в контакт с вирусом инфлюэнцы: в этом году эта болезнь весьма распространялась, в некоторых местах сильнее, чем во время великой эпидемии 1918 года. Атака была на удивление быстрой. Инфлюэнца перешла в бактериальную пневмонию. Ваш отец срочно нуждался в горячем питательном бульоне. Он был очень болен, и его желудок не принимал ничего другого. Я беру на себя полную ответственность за произошедшее, мисс Флавия. Я позаботился, чтобы Эсмеральда не страдала. Она находилась в блаженном состоянии, которое всегда чувствовала, когда ее чесали под клювом. Мне очень жаль, мисс Флавия.

Я сдулась, словно проколотый мяч, злость вытекла из меня. Как я могу ненавидеть человека, который, вероятно, спас жизнь моему отцу?

Я не могла найти слова, поэтому хранила молчание.

– Боюсь, наш мир меняется, мисс Флавия, – наконец вымолвил Доггер. – И не факт, что к лучшему.

Я попыталась понять подтекст его слов и найти подходящий ответ.

– Отец, – в итоге сказала я. – Как он? Правду, Доггер.

Тень омрачила лицо Доггера, тень неприятной мысли. Судя по той информации о его прошлом, которую мне удалось выудить, когда-то он был высококвалифицированным врачом, но война погубила его. Однако он никогда не умел уклоняться от прямого вопроса, и за это я его любила особенно.

– Он серьезно болен, – сказал Доггер. – Когда он вернулся из столицы, его мучил лихорадочный кашель и температура поднялась до 102 градусов². При инфлюэнце так случается.

² По Фаренгейту. По Цельсию это 38,8 градуса.

Этот вирус также убивает полезную флору в носоглотке, поэтому легкие могут быть заражены. В результате наступает бактериальная пневмония.

– Благодарю, Доггер, – сказала я. – Ценю твою честность. Он умрет?

– Я не знаю, мисс Флавия. Никто не знает. Доктор Дарби – хороший человек. Он делает все, что может.

– Например? – в случае необходимости я бываю безжалостна.

– Есть новое лекарство из Америки – ауреомицин.

– Хлортетрациклин! – воскликнула я. – Это антибиотик!

О его открытии и извлечении из образца почвы в штате Миссури упоминалось в выпуске «Химических обзоров и протоколов», которые как по часам доставлялись в Букшоу каждые две недели, поскольку дядюшка Тар оформил пожизненную подписку, а мое семейство не удосужилось уведомить редакцию журнала о его кончине.

– Благослови тебя господь! – выпалила я, уверенная, что Доггер так или иначе приложил руку к лечению отца.

– Ваша благодарность должна быть направлена на доктора Дарби. И не забудьте первооткрывателя этого лекарства.

– Разумеется, нет!

Я взяла на заметку помолиться перед сном за доктора Дуггара (кажется, так его зовут?) – американского ботаника, выделившего это вещество из заплесневелого образца почвы в огороде Миссури.

– Почему его назвали ауреомицин, Доггер?

– Потому что он имеет золотой оттенок. *Aureus* – по-гречески золото, а *mykes* – гриб.

Как все это просто, когда ты понимаешь мельчайшие детали! Почему жизнь не может быть всегда такой простой и ясной, как в тот момент, когда человек в Миссури склоняется над микроскопом?

Мои веки отяжелели. Свинцовые веки, подумала я и подавила зевок.

Я не высыпалась толком уже сто лет. И кто знает, когда мне подвернется следующая возможность?

– Спокойной ночи, Доггер, – сказала я, наливая кипяток в грелку. – И спасибо.

– Спокойной ночи, мисс Флавия, – ответил он.

На следующее утро я открыла покрасневшие глаза и увидела прикрытый салфеткой сэндвич с говядиной и латуком, укоризненно взирающий на меня с тумбочки.

Наверное, мне надо было его съесть, подумала я, несмотря на отвращение. Всю жизнь мне читали нотации о том, что нельзя выбрасывать продукты, поэтому чувство вины срабатывало на автомате, словно сирена в магазине.

Сражаясь с тошнотой, я потянулась к тарелке и подняла салфетку.

Под ней лежали две еще теплые поджаренные лепешки, с обеих сторон намазанные медом – в точности как я люблю.

– Доггер, – сказала я, садясь в кровати. – Ты стоишь дороже рубинов. Ты сливки общества, бесценный перл.

Я жевала и испытывала состояние, близкое к блаженству, одновременно рассматривая комнату. Как хорошо вернуться домой, лежать на своих подушках, прислушиваться к знакомому тиканью будильника, искать пятна на пожелтевших от ветхости викторианских обоях, где, если хорошенько присмотреться, затейливые красные виньетки складываются в голову дьявола, выглядывающую из банки с горчицей.

Все это снова принадлежит мне или скоро будет моим, и я могу делать, что хочу. Трудно поверить, но это так. Когда десять лет спустя обнаружили завещание моей матери Харриет, все были в шоке, а особенно я, когда оказалось, что она завещала Букшоу мне.

Целиком.

И полностью.

До последней вилки.

Не то чтобы все уже было улажено окончательно. Оставалась куча возни с документами, но в конце концов дело было на мази. Букшоу мой.

Полагаю, это звучит бессердечно, но это правда. Большую часть прошлого года я пыталась смириться с мыслью об ответственности, которая падет на мои плечи, когда все документы будут оформлены и я окажусь владелицей... хозяйкой Букшоу.

Мои отношения с сестрами никогда не были гладкими, даже в лучшие времена. Одна мысль о том, как они отреагируют, когда даже кровати, на которых они спят, и ложки, которыми они едят, будут принадлежать мне, вызывала во мне трепет. Фели была помолвлена с Дитером Шранцем и скоро покинет дом. Скорее всего, уже следующим летом. Но Даффи, и именно ее я опасалась больше всего, станет силой, с которой придется считаться. У нее такой же изворотливый ум, как и у меня. О милосердии к младшей сестре не может быть и речи. Вчера, когда я приехала, они обе были в постели, так что нам еще только предстоит встретиться. Завтрак станет полем нашей битвы. Надо держать ушки на макушке.

Я встала, оделась, умылась и как можно аккуратнее заплела косички. Внешний вид – это важно. Надо показать им, что я кое-чему научилась в женской академии мисс Бодикот, что я уже не та простушка-сестра, которую они отослали прочь в сентябре.

Утонченность – вот что мне требовалось.

Может, заткнуть цветок за ухо? Я отказалась от этой идеи, как только она пришла мне в голову. Цветы не помогут, отец в больнице, и будет казаться, что я этому радуюсь. Кроме того, на дворе декабрь – цветы давно завяли. В вестибюле я видела хилую пуансеттию, но вряд ли ее кроваво-красный цвет будет гармонировать с серьезностью ситуации.

Я просто войду, сяду за стол и закурю сигарету. Это точно будет символизировать новообретенную зрелость. Проблема лишь в том, что я не курю. Плохая привычка. И что хуже всего, у меня нет сигарет.

Я медленно спустилась по восточной лестнице, расправив плечи и задрав подбородок с таким видом, словно у меня на голове лежит невидимая Библия. Старое правило: равновесие и благопристойность. Фели вечно об этом твердит, и я кое-чему научилась, перед тем как отплыть в Канаду, прочитав старый выпуск «Спутника леди», лежавшего в приемной дантиста.

Равновесие помогает вам сохранять достойный внешний вид.

Благопристойность означает, что надо держать язык за зубами.

Не стоило утруждаться: никого не было видно. Несколько секунд я в одиночестве стояла посреди вестибюля, который казался особенно пустым и огромным. Пустошь – вот подходящее слово. Зброшенная пустошь. Ощущался непривычный холод.

Обычно в это время года здесь стоит рождественская елка: не такая большая, как в гостиной, но тем не менее радующая взгляд посетителей. Висят бумажные гирлянды, венки из листьев падуба и омелы, теплый воздух пахнет розмарином, апельсинами и гвоздикой.

Но в этом году в Букшоу не было елки. Такое ощущение, будто какое-то древнее проклятие пало на дом, словно в рассказах Эдгара Аллана По.

Я вздрогнула.

«Возьми себя в руки, Флавия, – подумала я. – Не время для сантиментов. Вот-вот я встречу с семьей. Где я? О чем я думаю?»

О да, о равновесии и благопристойности. Надо быть прохладной и свежей, как горный ручей.

Я небрежным, но быстрым шагом вошла в столовую, бесшумно отодвинула стул, не позволяя ему скрести о пол, и развернула на коленях льняную салфетку.

Идеально. Я горжусь собой.

Даффи сидела, уткнувшись носом в книжку – я заметила, что это «Паразиты» Дафны дю Морье, а Фели изучала собственное отражение в отполированном до блеска ногте большого пальца.

Я положила себе на тарелку копченую селедку.

– Доброе утро, дражайшие сестры, – промолвила я с едва уловимым сарказмом в голосе.

Даффи медленно оторвала от книги покрасневшие, обведенные темными кругами глаза, и сразу стало понятно, что она не спала этой ночью.

– Ну и ну, – сказала моя сестрица. – Только посмотрите, кого нам кошка на хвосте принесла.

– Как отец? – спросила я. – Есть новости?

– Он в больнице! – отрубил Даффи. – Ты и без того в курсе. Угодил на больничную койку, потому что ему пришлось тащиться в Лондон.

– Вряд ли это моя вина, – не менее резко ответила я. – Насколько я знаю, он подхватил пневмонию в поезде.

Еще и минуты не прошло, а мы уже обнажили оружие.

– Вряд ли! – выплонула Даффи. Она кипела. – Вряд ли! Отец при смерти, а ты сидишь тут и препираешься...

– Дафна, – произнесла Фели таким голосом, который мог бы остановить разогнавшийся танк.

В столовую вошла миссис Мюллет и начала суетиться с таким видом, словно ничего не происходит.

– Бекон вот-вот будет готов, – сказала она. – Наша «Ага» долго разогревается, если не проследить за ней и она отключится на ночь. Моя вина, я думала о полковнике и о...

Я взглянула на воображаемые наручные часы.

– В котором часу придет Кларенс? – поинтересовалась я. – Хочу как можно скорее увидеть отца.

– Господи, не раньше половины первого, – ответила миссис Мюллет. – Приемные часы начинаются в два. Не гримасничай, милочка. Вдруг тебя хватит удар и ты останешься такой навсегда?

Мои мечты немедленно устремиться к отцовскому одру пошли прахом. Я попыталась скрыть разочарование.

– Как дела у Дитера? – поинтересовалась я, пытаюсь завязать светскую беседу с Фели.

– Откуда я знаю? – отрезала она, бросая салфетку, выскочила из-за стола и вылетела из комнаты.

В дверях она столкнулась с Ундиной. Моя двоюродная сестрица остановилась и приложила ладонь к уху, изображая, что прислушивается к торопливым удаляющимся шагам Фели.

– Кузина Офелия крайне возбуждена, – громко объявила Ундина. – Они с Дитером поссорились. Думаю, все дело в детях. Привет, Флавия, добро пожаловать домой. Как с тобой обращались в Канаде?

Неуклюжими шагами она пересекла столовую и протянула руку. Мне оставалось либо проткнуть ее вилкой насквозь, либо ответить ей коротким вялым рукопожатием.

Ундина стояла рядом, обратив ко мне свое крупное, похожее на луну лицо, и ждала, что я произнесу речь. Водянистые голубые глаза в окружении черной оправы словно лишали ее возраста: Ундине могло быть и восемь, и сто восемь лет. Ее словно нарисовали карандашом.

Когда я не ответила, она подалась вперед и утащила у меня с тарелки остатки селедки. – Мы видели дядюшку Хэвиленда вчера. Он ужасно выглядит, – сказала Ундина.

Я даже не успела подумать, но мои ноги уже подняли меня со стула.

То, что Ундина, дальняя родственница, седьмая вода на киселе, могла видеть отца, а я нет, переполнило чашу моего терпения. Я вышла из-за стола и на автомате покинула комнату.

Первый раз в жизни просто уйду прочь в подобной ситуации, и, надо сказать, это чертовски приятно.

Именно поэтому сейчас я еду в Бишоп-Лейси на велосипеде под ледяным дождем.

Мне надо как можно скорее убраться подальше от Букшоу и от моей семейки. Я направляюсь в домик викария, мне нужна Синтия Ричардсон.

Кто бы мог подумать, что так все обернется?

Много лет мы с Синтией не выносили друг друга на физическом уровне, с тех пор как она застала меня за попыткой соскоблить химический образец с витража святого Танкреда.

Только когда я узнала, что она и ее муж, викарий Денвин, потеряли единственного ребенка, дочь, трагически погибшую под колесами поезда в Доддингсли, ситуация начала меняться, и за последние год-два мы с Синтией стали хорошими друзьями.

Временами от семьи нет никакого толку; временами говорить со своими родными – совершенно бессмысленно.

Полагаю, если хорошенько подумать, можно прийти к выводу, что жены викариев существуют именно для этого.

Я остановилась и прислонила «Глэдис» к забору, окружавшему церковный двор. Здесь она будет в безопасности. Поскольку «Глэдис» нежно любит кладбища, ей тут даже понравится, несмотря на дождь.

– Хорошо вернуться домой, – прошептала я, похлопав ее по сиденью ласково, но без лишних нежностей. – Отдыхай.

Я пересекла двор по мокрой траве, вытерла ноги у двери и дернула за колокольчик. Из глубины дома донесся слабый звон. Я подождала. Никто не открыл. Медленно сосчитала до сорока – разумный интервал. Не слишком быстро, чтобы показаться навязчивой, но и не слишком долго, чтобы хозяева решили, что гость ушел.

Позвонила еще раз и услышала такой же приглушенный звонок.

Никого нет дома?

Может быть, Синтия в церкви? Об этом я не подумала. Она так много времени уделяет цветам, буклетам, стихарям, церковным гимнам и пчелиному воску, не говоря уже о приходских собраниях, встречах женского института, союза матерей, алтарной гильдии, организации девочек-скаутов (где служит Коричневой Совой), мальчиков-скаутов, организации юных скаутов (где она временами изображает Акелу), реставрационному фонду (в котором она председатель) и приходскому совету (где она секретарь).

Я побрела по мокрой траве к церкви, но она была закрыта. Дождь усилился, и у меня задубели и промокли ноги.

Возвращаясь к «Глэдис», я услышала возглас со стороны домика викария.

– Флавия! Ура! Флавия!

Я не узнала Синтию, но это была она.

Она высунула нос из двери, приоткрыв ее буквально на миллиметр. Ступив на крыльцо, я увидела, что она кутается в потрепанный розовый халат.

Выглядела Синтия ужасно.

– Добро пожаловать домой, – прокаркала она. – Я сильно простудилась, поэтому не стану обнимать тебя. Нам с Денвином ужасно жаль твоего отца. Как он?

– Не знаю, – ответила я. – Мы поедем к нему днем.

– Входи-входи, – сказала Синтия, открывая дверь, чтобы я могла просочиться внутрь. – Я поставлю чайник, и мы с тобой выпьем чаю.

В этом вся Синтия. У нее ясные приоритеты: приветствие, объятия (или разговоры о них), объяснения, сочувствие и чай – именно в таком порядке.

Она тактично оставила сочувствие напоследок, чтобы дело не выглядело слишком серьезным.

Я сама часто использую этот прием – прячу плохие новости в окружении хороших, так что я оценила ее тактичность.

– С молоком и двумя кусочками сахара, насколько я помню, – сказала она, когда чайник закипел и чай был заварен. – У тебя носки и туфли промокли. Снимай, я положу их на камин сушиться.

Я послушалась, извлекая влажные травинки из обуви.

– Как Канада? – поинтересовалась Синтия, подавив чих. – Озера, лоси и лесорубы?

Это шутка, понятная только нам двоим. Когда я уезжала в Канаду, Синтия призналась, что ее отец сплавливал бревна по реке Оттава и что когда-то она мечтала последовать по его стопам.

– Практически, – ответила я и не стала продолжать эту тему. – Как ваши дела? Выглядите ужасно.

Мы с Синтией – большие друзья, поэтому можем быть откровенны друг с другом.

– Я и чувствую себя ужасно, – ответила она. – Должно быть, я похожа на мышку, которую кошка притащила в дом.

«Почти теми же самыми словами меня встретила Даффи», – подумала я.

– Надеюсь, вы не заразны.

– Господи, нет! Доктор Дарби проявил любезность и навестил меня. Он говорит, что я уже миновала эту стадию. И это хорошо. У меня собрание юных скаутов в половине пятого и скаутов в семь. Молись за меня, Флавия!

– Вам следует лежать в постели, – ответила я. – Закутаться в теплую фланель и пить горячий пунш с молоком.

Горячий пунш с молоком – это рецепт, который я когда-то узнала от Альфа, мужа миссис Мюллет. Он рекомендовал его моему отцу. «Королевское лекарство, – сказал Альф. – Помогает от всех хворей человеку, ангелу и зверю».

Впоследствии отец заметил, что совет Альфа неоднозначен, но дан с доброй душой.

– У вас в доме есть бренди или ром?

– Боюсь, что нет. У нас бывает только вино для причастия. – Она нервно хихикнула, словно выдала большой секрет.

– Я могу сбежать в «Тринадцать селезней» и выпросить бутылку. Уверена, мистер Стокер не откажет. Не то чтобы...

– Спасибо, Флавия, но не надо. Так мило с твоей стороны. У меня очень много дел, и я не знаю, с чего начать.

А потом, к моему ужасу, она внезапно разрыдалась. Я протянула ей чистый носовой платок и подождала, когда она успокоится. В такие моменты не стоит торопить человека.

Через некоторое время всхлипывания сменились влажным хлюпаньем, а потом явилась слабая улыбка.

– О, милая! Что ты обо мне подумаешь!

– Что вы слишком много работаете, – сказала я. – Чем я могу помочь?

– Ничем, – ответила она. – Мне просто надо отказаться от каких-то обязанностей. Позвоню и скажу людям правду: что викарий в отъезде, а я заболела.

– Викарий в отъезде? Я и не знала. Какой ужас.

– Епископ устроил очередную проверку без предупреждения. «Мозговой трест», как он это называет. В епархии. Денвин вернется нескоро.

– Вы уверены, что я ничего не могу для вас сделать?

– Я бы хотела, – сказала она. – Но обязанности приходского священника и его церковной мышки-жены... хотя постой! Есть кое-что.

– Я готова!

– Мне очень не хочется куда-то посылать тебя в такой дождь, но в нашей машине что-то сломалось, и Берт Арчер обещает починить ее не раньше следующей среды.

– Не беспокойтесь. Я люблю дождь.

Это правда. Мозг человека работает лучше во влажном воздухе, чем в жару или сухой холод. Моя теория гласит, что это потому что мы происходим от рыб, обитавших в море и дышавших водой, и в один прекрасный день, когда у меня будет достаточно времени, я намереваюсь написать статью на эту тему.

– Ты знаешь, как доехать в Стоу-Понтефракт?

Голос Синтии нарушил мои размышления.

Конечно, я знала. Он находился в одной миле по прямой от Букшоу; но если ты не ворона и не можешь лететь по воздуху, то на велосипеде по дорогам придется ехать мили две. Это место обычно называли «Стоу-Памфрет», и это была своего рода шутка в Бишоп-Лейси.

«Это деревушка, – однажды сказала мне Даффи. – Совсем крошечная».

«В духе Стоу-Понтефракта», – так говорили жители Бишоп-Лейси, подразумевая «плохо, бедно или вообще никак».

– Да, знаю. Это между Бишоп-Лейси и Ист-Финчингом, – сказала я. – Первый поворот направо с горы Денхем. Сразу за колодцем бедняков.

– Точно! – обрадовалась Синтия. – Торнфильд-Чейз находится меньше чем в четверти мили от него.

– Торнфильд-Чейз?

– Усадьба мистера Сэмбриджа. Хотя я думаю, это звучит внушительнее, чем есть на самом деле.

– Найду, – сказала я.

Я могу обернуться туда и обратно за час. Еще утро. Полно времени, чтобы вернуться домой и привести себя в порядок перед первым визитом к отцу.

– Что мне надо сделать? – спросила я.

– Просто отвезти мистеру Сэмбриджу конверт, милочка. Он очень хороший резчик по дереву. Скорее даже художник. Денвин пытается уговорить его заменить или хотя бы отреставрировать нескольких ангелов на концах балок. Бедняга ужасно страдает от артрита, откровенно говоря, он жесткий, как доска, поэтому нам ужасно неудобно просить его. Однако доктор Дарби говорит, что движение – это жизнь. Удивительно, что может сделать со старым деревом пестрый точильщик. Ты уверена, что тебя это не затруднит?

Я не поняла, о чем говорит Синтия, – о суставах мистера Сэмбриджа или о резных ангелах, но решила не переспрашивать.

– Все нет, – ответила я. – С радостью помогу вам.

И это правда, хотя меня в первую очередь радовала не возможность помочь ей, а предлог убраться подальше от Букшоу, Ундины и моих чертовых сестричек хотя бы на пару часов. Заодно прочищу мозги, а то их в последнее время затянула паутина.

К северу от Бишоп-Лейси дорога начинает круто подниматься вверх и петлять. Я ехала стоя и изо всех сил крутила педали «Глэдис». Дорожного движения здесь не было, но если бы и было, водители увидели бы развевающийся желтый плащ, покрасневшее лицо и качающуюся на ветру фигуру на велосипеде.

Как и самолет, велосипед может заглохнуть на слишком маленькой скорости, и надо быть готовым в любой момент соскочить с велосипеда и толкать его. Даже на самой низкой передаче это та еще задача.

– Прости, «Глэдис», – выдохнула я. – Обещаю, что домой мы будем ехать все время под гору.

«Глэдис» радостно скрипнула. Она очень любила катиться вниз, как и я, и когда в поле зрения никого не было, я даже клала ноги на руль: капля артистизма, который она любила еще больше, чем свободный полет.

Поворот показался раньше, чем я ожидала. Табличка указывала, что Стоу-Понтефракт находится к востоку отсюда. Вместо дороги была узкая неровная тропинка, но, по крайней мере, не надо было ехать вверх. По обе стороны тропинки росли густые заросли падуба, и в сером блеклом свете ярко выделялись красные ягоды. Я с удовольствием подумала об этих красивых ядовитых плодах: помимо прочих элементов они содержат кофеиновую, хинную и хлорогеновую кислоты, кемпферол, кофеин, кверцетин, рутин и теобромин. «Теобромин» буквально означает «пища богов», и этот горький алкалоид также содержится в чае, кофе и шоколаде. Слишком большая доза может оказаться смертельной.

Смерть престарелой богатенькой тетушки от огромной роскошной коробки с конфетами случается не только в детективах. О нет! Вряд ли это совпадение, что падуб и шоколад – символы Рождества, времени года, когда смертность среди пожилых людей особенно высока.

Мои приятные размышления были нарушены, когда слева показались две дряхлые каменные колонны. Потрескавшаяся деревянная табличка гласила: «Торнфильд-Чейз». Нарисованные буквы шелушились, словно страдали от экземы. Я притормозила, аккуратно зарулила на подъездную аллею и спешила.

Все, что осталось от усадьбы, – готический охотничий домик, и даже он был в при-скорбном состоянии. Ковер из черно-зеленого мха покрывал просевшую крышу, косяк сгнил, окна смотрели невидящими глазами. От водосточных желобов мало что осталось, и с этих останков капала вода, издавая унылое «кап-кап-кап».

«Странное жилье для умелого плотника», – подумала я. Должно быть, старая поговорка справедлива: «Сапожник без сапог».

А без чего живут дети Хэвиленда де Люса?

Эта часть моего мозга отключилась.

Под деревьями стоял древний седан «Остин». Судя по количеству птичьего дерьма на нем, седан давно уже был не на ходу. Я быстро заглянула в его грязные окна и заметила водительские перчатки – одну на сиденье, вторую на полу. Больше ничего.

Я развернулась и, шаркая по мокрым листьям, побрела к дому.

Дернула за старомодный колокольчик, и где-то внутри раздался удивительно громкий и резкий звонок.

На случай если кто-то наблюдает за мной в глазок, я достала конверт из-под плаща и попыталась изобразить крайнюю сосредоточенность: одна рука чуть согнута в локте и поднята, брови изогнуты, губы слегка поджаты – что-то между почтальоном и Белым кроликом из «Алисы в Стране чудес».

Водосточные желоба продолжали жалобное «кап-кап-кап».

Я снова позвонила.

– Мистер Сэмбридж, – окликнула я. – Мистер Сэмбридж... вы дома?

Ответа нет.

– Мистер Сэмбридж, меня зовут Флавия де Люс. Я принесла кое-что от викария.

«Кое-что», как мне казалось, звучит более заманчиво, чем «письмо». «Кое-что» может оказаться деньгами, например.

Но я напрасно упражнялась в выборе слов: мистер Сэмбридж не отвечал.

Конечно, можно было просунуть письмо в почтовую щель, но это не метод Флавии де Люс. Синтия дала мне поручение, и я выполню его во что бы то ни стало. Это вопрос чести и, буду честна сама с собою, любопытства.

Я отодвинула заслонку, придвинулась к глазку и увидела крашеную кирпичную стену, в которой был один-единственный крюк, на котором висела широкая куртка вроде тех, которые носят лесники.

– Есть тут кто-нибудь? – произнесла я прямо в глазок. – Мистер Сэмбридж!

Я подергала дверь, ни на что особо не надеясь, но, к моему удивлению, она легко подавалась, и я вошла.

Если не считать крошечную прихожую, предназначенную для того, чтобы препятствовать ветру дуть прямо в дом, первый этаж представлял собой одну большую комнату, и было очевидно, что это столярная лавка Сэмбриджа. В воздухе чувствовался запах свежего дерева и зеленого леса.

У окна располагался стол, заваленный ножами, рубанками, пилами и другими разнообразными режущими инструментами: с плоскими, изогнутыми и V-образными лезвиями. Еще там были тиски и клещи разных размеров.

На полке стоял великолепный орел из дуба, еще не законченный. Его огромные крылья распростерлись в стороны, клюв распахнут в безмолвном крике, перья взъерошены, словно он защищает свое гнездо. Это будущий аналой, поняла я, а орел – символ святого Иоанна Евангелиста.

Когда ее установят в церкви, для которой она предназначена, эта птица будет внушать тайный ужас детям, выстраивающимся перед ней в ожидании первого причастия. Может, таков и был тайный замысел. Даже у меня волосы на шее приподнялись.

Без сомнения, мистер Сэмбридж – гениальный резчик по дереву и художник.

Маленькая кухонная плита, раковина с грязной посудой, кран подтекает с таким же «кап-кап», что и водосточные желоба, а на стене ему вторят тикающие часы с кукушкой.

Тик... так... тик... так... кап... тик... так... кап... так...

И так далее.

Стрелки часов показывали десять часов три минуты.

На первом этаже обнаружили несколько книг и погасший камин. Узкая лестница вела на второй этаж.

– Эй! – снова окликнула я, поставив ногу на первую ступеньку.

Должно быть, этот человек необыкновенно крепко спит.

Или он пьян. Все может быть. Пусть даже он вырезает евангельских орлов.

– Мистер Сэмбридж?

Ступенька подо мной скрипнула, и я застыла, но сразу же поняла, что нагоняю страх сама на себя. «Впадаю в состояние», как это именует миссис Мюллет.

Я небрежно фыркнула, чтобы ослабить напряжение. Хозяин, должно быть, ушел и не запер дверь. Вот и все.

Фактически я, конечно же, совершаю противоправное действие – вломилась в чужой дом. Я просто загляну на второй этаж и уйду. Оставлю конверт на столе мистера Сэмбриджа, где он точно его заметит. Может, даже напишу записку, что я заходила, чтобы он знал, кто и когда здесь был. Буду вести себя как положено.

Но все пошло кувырком.

Наверху обнаружилась дверь.

Закрытая дверь.

Есть такой тип людей, для которых закрытая дверь – это вызов, соблазн, брошенная перчатка, и я одна из них. Закрытая дверь – это не просто тайна, которую надо разгадать, это оскорбление. Пощечина.

Любой человек, у которого есть две старшие сестры, скажет вам, что закрытая дверь – все равно что красная тряпка для быка. Это нельзя оставить просто так.

Я шагнула вперед, приложила ухо к деревянной панели и прислушалась.

Мертвая тишина. Нет даже характерного звука пустой комнаты, который слышишь, когда используешь деревянную дверь в качестве резонатора.

Я взялась за ручку и приоткрыла дверь – просто чтобы заглянуть.

Какое разочарование.

Кровать (аккуратно застеленная), книжная полка, кресло, горшок, утюг, стол и тонкий турецкий ковер: все в идеальном порядке. Все удивительно чистое и опрятное.

Никаких чудовищ и безумцев: ничего такого, чего подсознательно ожидаешь, обыскивая незнакомый дом.

Я открыла дверь шире, и на полпути она наткнулась на какое-то препятствие.

Я вошла в комнату, и дверь сама захлопнулась.

Позже я предположила, что она перекосилась под тяжестью тела мистера Сэмбриджа.

Я резко обернулась.

Он висел вверх ногами на обратной стороне двери, раскинув руки и ноги буквой Х.

2

Почерневшее лицо было искажено гримасой откровенного ужаса. Глаза выкатились, и это выглядело бы смешно, если бы их владелец не был трупом. Ноздри широко раздуты, словно у лошади, которая вот-вот понесет: как будто в последний момент они отчаянно пытались вдохнуть воздух. Уголки открытого рта, направленные вверх, а не вниз, давали понять, что в момент смерти этот человек был дико напуган.

Как он оказался в таком состоянии, подвешенный, словно ястреб в силках, и беспомощно пытавшийся высвободиться, пока его не освободила смерть?

Точно так же когда-то распяли апостола Андрея. Я вспомнила эту историю, которую слышала, когда несколько лет назад в составе группы девочек-скаутов посетила пресвитерианскую церковь в Хинли. Хотя сама по себе поездка оказалась сущей потерей времени, огромные витражи за кафедрой и «общий стол», как пресвитерианцы называют алтарь, были очень любопытными.

Центральный витраж изображал апостола Андрея, прикованного к кресту и раскинувшего руки-ноги в стороны, словно парашютист, у которого еще не раскрылся парашют.

Но мистер Сэмбридж, в отличие от апостола Андрея, который, по крайней мере, умер стоя, был распят вверх ногами.

Я вспомнила, что вверх ногами распяли апостола Павла по его же просьбе.

Все это ужасно интересно. Наверняка такая поразительная смерть в такой невероятной позиции, постигшая резчика, специализировавшегося на библейских сюжетах, не может быть совпадением. Таится ли здесь некое послание, имеющее отношение к его прошлому?

Первым моим порывом было помчаться за помощью. Но даже человеку, менее знакомому со смертью, чем я, очевидно, что мистеру Сэмбриджу уже не поможешь.

И я была почти уверена, что в Торнфильд-Чейзе нет телефона. Я не видела его, пока осматривала комнату на первом этаже. И наверняка, если бы здесь был телефон, Синтия или викарий позвонили, а не посылали бы письмо.

Для доктора и скорой помощи уже поздно. Мистеру Сэмбриджу уже ничем не помочь. Какое-то время он будет в полном моем распоряжении.

Теперь я могу признаться, что в тот момент меня охватило ощущение невероятного облегчения, как будто после долгой ночи, наконец, взошло солнце. Должно быть, так чувствовал себя Атлант, когда какой-то добрый самаритянин сжалился над ним и избавил его от тяжести небесного свода.

В последнее время я была сама не своя. Не люблю это признавать, но события последних месяцев плохо сказались на мне. Я перестала быть той Флавией де Люс, какой была всегда. К добру это или нет, пока непонятно, но пока я не научилась с этим справляться, мне казалось, будто я несусь на себе всю тяжесть мира.

Я хочу узнать, кто я, пока не стало слишком поздно, пока я не перестала быть человеком, которым была раньше, до того, как превращусь в кого-то другого. Хотя порой мне кажется, что это отчаянная гонка против времени, а иной раз – что все это яйца выеденного не стоит.

Но сейчас за одну секунду, внезапно, в мгновение ока все изменилось.

Где-то во вселенной головешка провалилась сквозь решетку камина и выскочила наружу.

Но ни одна из этих старых избитых фраз не передает скорость, с которой наступили перемены.

Не успели бы вы щелкнуть пальцами, как я ощутила, что снова такая, как раньше, как будто в моих туфлях оказалась другая Флавия де Люс.

Нет... не *другая* Флавия де Люс, а прежняя, только хладнокровная и непоколебимая. Поразительно, как вдохновляет порою лицезрение трупа.

Я лизнула воображаемый карандаш и начала делать заметки.

Возраст: на первый взгляд, около семидесяти. В организации девочек-скаутов нас учили определять возраст не только по физическим особенностям, но и с помощью сравнения. Этот метод помог мне понять, что этот человек намного старше моего пятидесятилетнего отца, но моложе девяностолетнего Кэнона Истлейка, которому прошлым летом в Святом Танкреде преподнесли кошелек с деньгами за его полувековую службу в строительном фонде.

Я отметила главные особенности: седые волосы, густую седую бороду, морщины на лице (которое сейчас потемнело и отекло под воздействием силы тяжести), выцветшие серые глаза (да, они были открыты и смотрели на меня), кустистые брови и растительность в ушах.

Я с любопытством засунула палец ему в рот, на удивление теплый, и вспомнила, что с губ мертвеца нельзя снять отпечатки пальцев. Для своего возраста у мистера Сэмбриджа имелся замечательный набор зубов – то ли собственных, то ли дорогих искусственных, я не могла определить.

Проведя много мучительных часов в стоматологическом кабинете на Фаррингтон-стрит, я могла только уважать и ненавидеть человека с таким прекрасным комплектом зубов.

«Для начала сойдет, хотя можно было бы и продолжить изыскания», – подумала я.

Моя задача усложнялась положением тела и приливом крови к голове мертвеца.

Снять его с двери я не могла. Если я чему-то научилась у инспектора Хьюитта, так это тому, что не надо передвигать трупы.

При воспоминании о старом друге я вспыхнула. О, как это будет прекрасно – позвонить ему и рассказать потрясающую новость о смерти мистера Сэмбриджа! Но перед тем как это сделать и со спокойной душой насладиться искренней и чистосердечной похвалой инспектора, я должна уничтожить следы своего собственного расследования.

Перед тем как передать дело в руки полиции, надо еще многое сделать, и лучше потопрапливаться. Мне нужно вернуться в Букшоу до приезда такси, которое отвезет нас к отцу в Хинли. Это откладывать нельзя.

Также не следует исключать факт, что кто-нибудь, например, почтальон, явится в Торнфильд-Чейз и обнаружит меня над трупом мистера Сэмбриджа.

Меня, как пить дать, выдаст «Глэдис», стоящая во дворе. Нет времени прятать ее, и если меня поймают в этот момент, мне будет трудно оправдаться.

Нет, лучше всего продолжать свои изыскания и надеяться на лучшее.

Однажды отец сказал нам: «Даже в самых отчаянных ситуациях нужно ставить результат на первое место».

И он прав. О, как мудр мой отец.

Результат – это все.

Первая сложность заключалась в том, что мне надо внимательно изучить лицо мистера Сэмбриджа, при том, что он висит вверх ногами и, как я уже сказала, я не имею ни малейшей возможности снять его с двери.

Решение пришло сразу же. Я шагнула в сторону, вытянула руки над головой, наклонилась вбок, уперлась правой ладонью в ковер и рывком подняла себя ногами вверх, оказавшись лицом к лицу с трупом.

Совсем другое дело!

Он тут же показался мне более человечным, несмотря на гримасу. Такое впечатление, будто все встало на свои места.

«Должно быть, у нас есть участок мозга, – подумала я, – отвечающий за узнавание человеческих лиц: участок, который отключается, если лицо перевернуто. Надо не забыть исследовать эту гипотезу в более удобное время».

Но сейчас я с изумлением поняла, что уже видела это лицо.

Грива седых волос, высокий выпуклый лоб, длинные уши и грустные глаза вызвали давно забытое воспоминание. Но я не могла вспомнить, где, когда и при каких обстоятельствах.

«Сейчас не время», – подумала я.

Лицо мертвеца было так близко, что я видела его словно под микроскопом: поры на носу (широкие, но чистые), красные точки лопнувших сосудов, распространявшиеся во все стороны, словно карта Амазонки и ее притоков.

«Ага! – подумала я. – Он пьет».

Но нет! Хотя я еще не провела тщательный обыск дома, до сих пор мне нигде не попались бутылки.

Значит, пил раньше.

Мне показалось, или на лице трупа и правда отразилось некоторое облегчение от того, что я передумала?

Щеки и шея вокруг бороды были чисто выбриты – ни малейшего намека на щетину, следовательно, он умер рано утром, вскоре после того как побрился.

Я снова обратила внимание на его волосы, свисавшие к полу. С того ракурса, с которого я смотрела, мне казалось, что они испуганно вздыбились. Ухоженная шевелюра, как будто владелец всю жизнь регулярно втирал в нее тонизирующий лосьон.

«Волосы как у человека более молодого, – произнес мой внутренний голос. – Может, парик?»

Балансируя на голове и одном локте, я аккуратно протянула руку и резко дернула пару волосков, подумав, что: 1) мертвым не больно, 2) на волосах не остаются отпечатки пальцев.

Нет, не парик. Свои волосы. И как я раньше не сообразила, ведь их цвет идеально совпадает с цветом волос в ушах и носу покойника.

Люди, которые красят волосы, бороды, усы и брови с неблагоприятными целями, редко вспоминают об ушах и ноздрях.

Я внимательно рассмотрела кожу. Щеки и лоб были в красных пятнах, тыльные стороны ладоней, безжизненно свисавших к полу, тоже. Пальцы были скрючены, как когти, – словно их хозяин умер, хватаясь за что-то, как утопающий за соломинку.

Я изучила ногти. Как и подозревала, несколько из них – большой, указательный и средний на каждой руке – были сломаны. И под ними засохла кровь. Кончики пальцев были исцарапаны и покрыты ссадинами (ссадины – слово, которое я почерпнула из романа Диккенса «Мартин Чезлвит», в котором старшая мисс Пекснифф обнаружила оные повреждения на выступающих частях тела отца, упавшего с крыльца. Еще я слышала его от Доггера, когда он промывал мои раны после того, как «Глэдис» дернулась и сбросила меня на гравий).

Судя по ссадинам, кровь под ногтями, скорее всего, принадлежит покойнику.

Если мистер Сэмбридж повредил пальцы после того, как его подвесили вверх ногами, источник ран должен быть на расстоянии не более вытянутой руки. В пределах досягаемости.

Я согнула ноги и вышла из стойки на голове.

Долго искать не пришлось. Приспособление, с помощью которого повесили мистера Сэмбриджа, представляло собой что-то вроде лебедки: хитроумная система веревок и блоков, закрепленных на двери. В середине устройства находилось нечто, вырезанное из дерева и напоминающее мельничное колесо в какой-нибудь старомодной викторианской деревушке. В миниатюре, разумеется.

Зубцы колеса блокировала собачка, позволяющая вращаться ему только в одном направлении. Устройство простое – я изучала такие механизмы, когда Доггер преподавал мне искусство вскрытия замков.

Блоки были аккуратно вырезаны из дерева, судя по всему, из цельного дуба, и отполированы до блеска человеком, явно гордившимся своим искусством. Должно быть, для этого потребовалось несколько недель терпеливого труда. Я чувствовала аромат воска, которым их смазали.

Но я чувствовала кое-что еще: слабый запах серы или чего-то очень похожего.

Неужели здесь побывал дьявол собственной персоной, с рогами и копытами? Неужели мистер Сэмбридж нашел свой конец в результате диковинного ритуала в руках группы деревенских сатанистов?

Я встряхнулась, избавляясь от одолевавшего меня страха.

Если мистера Сэмбриджа убили, это произошло явно не в результате мимолетной вспышки ярости. Кто-то потрудился, чтобы установить это адское устройство.

Через деревянные блоки были перекинута пеньковая веревка, заканчивающаяся кожаными петлями, зафиксированными на лодыжках мистера Сэмбриджа.

В районе коленей веревки были покрыты пятнами крови. Судя по всему, перед смертью он отчаянно пытался освободиться.

Но все его усилия оказались тщетными. Его поймали, как муху в паутину.

Его лицо, как я уже сказала, было испещрено мелкими кровоподтеками, что неудивительно для человека, подвешенного вверх ногами. Когда случился прилив крови – до или после смерти, определит только вскрытие.

Я попыталась поставить себя на его место: понять, что он чувствовал, когда его подвесили вверх ногами и оставили дожидаться смерти.

Хотя мне самой умирать еще не доводилось, я много и долго упражнялась в стойке на голове, чтобы стимулировать мыслительный процесс. Доггер заверил меня, что это не приводит к смерти. Только люди со слабым сердцем рискуют умереть, стоя на голове продолжительное время.

Были ли у мистера Сэмбриджа проблемы с сердцем?

Если да, я найду подтверждение в его аптечке. Рецепты на что-нибудь, содержащее тиоцианат, нитроглицерин или любой другой алкалоид, который получают из вьюнка полевого или чемерицы.

Прошу прощения за уклонение от темы, но именно об этом я думала в тот момент. Так устроен мой мозг. Жизнь вовсе не такая, как описывается в романах о Шерлоке Холмсе. В реальности мозг не движется по цепочке размышлений из пункта А в пункт Б, В, Г и так далее, словно поезд по рельсам, который в конце концов с радостным «Ту-ту!» прибывает в последний пункт назначения, и дело решено.

Совсем наоборот. В реальной жизни аналитические умы вроде моего постоянно работают во всех направлениях сразу. Это все равно что лупить кувалдой по миске с вареньем; это как взрывающиеся галактики, как фейерверк, который устроил перебравший лишнего пиротехник.

Только сейчас я обратила внимание на обстановку в комнате. Я была так поглощена изучением останков мистера Сэмбриджа, что даже не заметила, что находится в его спальне.

У меня возникло впечатление, будто машина времени чудесным образом перенесла меня во времени и пространстве и я оказалась в спальне Джепетто, резчика по дереву из «Пиноккио».

Я изумленно рассматривала предметы обстановки – мягко выражаясь, выдающиеся.

Например, кровать с пологом на четырех столбиках являла собой стаю резных ангелов: пухлых деревянных херувимов, улыбавшихся и искоса поглядывавших друг на друга.

Я вспомнила строчку из «Гамлета»:

Спи, убаюкан пеньем херувимов!³

Но эти ангелы вовсе не пели песни испуганной фигуре в пижаме. Они скорее неуклонно тащили его за вырезанные из дерева ноги к адскому котлу в изножье кровати. Рот жертвы был широко распахнут, и она падала в огонь, оскалив крошечные зубы в беззвучном крике.

Очень напоминает прискорбные обстоятельства смерти настоящего мистера Сэмбриджа.

Две фигуры, падающие в вечность: деревянная и из крови и плоти.

Какой вывод можно сделать из этого?

На стене рядом с кроватью находилось нечто, сначала показавшееся мне веером леди из XVIII века: огромный кружевной полукруг, который при ближайшем рассмотрении оказался огромным кораллом.

Ножки прикроватного столика были выточены в форме змей, поддерживающих мраморную столешницу, на которой лежали два шиллинга и шестипенсовик, ключи, серебряные карманные часы с цепочкой и брелоком, статуэтка горгульи размером с кулак, выточенная из какого-то темного дерева, может быть, черного, обломок карандаша, серый пух, указывающий на то, что эти вещи были извлечены из чьего-то кармана, и билет из тотализатора.

Я с болью вспомнила, как прошлым летом мы с Даффи купили отцу на день рождения билет на эти же скачки.

«Это самый большой выигрыш за всю историю, – сказала я ему, вне себя от волнения, и протянула билет. – Больше двадцати тысяч фунтов».

Двадцать с чем-то тысяч фунтов помогут облегчить финансовые проблемы отца, думала я.

Отец нахмурил брови, а я продолжала стоять с билетом в протянутой руке.

«Я ценю твою заботу, Флавия, – сказал отец. – Очень мило с твоей стороны, но я не могу его принять».

Он был в таком же замешательстве, что и я.

«Никогда не играй на скачках, – сказал он. – Ты не должна пользоваться слабостями других людей. Ты прекрасно знаешь, что лотереи вне закона».

«Но...»

«Нет, Флавия. Довольно. Я все сказал. Можешь идти».

С этими словами он сосредоточил внимание на альбоме с марками.

Я была слишком подавлена, чтобы рассказать Даффи о произошедшем.

Можно ли отозвать назад свою молитву, подумала я тогда.

В течение следующих недель ночами в своей кровати я молилась, чтобы наш билет не выиграл. Иначе это будет катастрофа. Хотя я способна хранить молчание, я знала, что продавец выигравшего билета тоже получит вознаграждение. В моем случае продавцом был Типпи Хогбен, который под прикрытием лавки на рынке в Мальден-Фенвик творил рискованные дела, продавая контрабандные чай, масло и сахар.

И если Типпи получит шанс выиграть хотя бы шиллинг, я труп. Сплетни меня погубят.

Преступным было не то, что я пыталась подарить билет отцу, а то, что я вообще его купила, и это была моя личная ответственность. В последний момент Даффи уклонилась от похода в лавку Типпи под предлогом ужасной головной боли, поэтому мне одной пришлось заняться этим грязным дельцем.

³ Цит. по переводу М. Лозинского.

Теперь, через полгода после этого происшествия одна мысль о лотерейном билете вызывала у меня тошноту. Это стало одной из причин, почему я не притронулась к лотерейному билету мистера Сэмбриджа.

Второй причиной были отпечатки пальцев.

Не знаю, проверял ли покойник свой билет на предмет выигрыша. Маловероятно. Если да и если он проиграл, он бы его выбросил. Если бы он выиграл, он бы обменял его на деньги.

Надо проверить, есть ли какая-нибудь информация на обратной стороне билета, и решение пришло быстро. Наклонившись над столом, я высунула язык и кончиком аккуратно перевернула бумажку.

«Необходимость – мать предприимчивости», – однажды сказала Даффи, и насколько я знаю, еще никто не придумал систему установления личности по отпечаткам языка. Надо включить это в список гениальных идей, которые я когда-нибудь предложу инспектору Хьюитту.

Но, разумеется, не в этот раз.

К моему разочарованию, обратная сторона чека не была подписана: ни имени продавца, ни передаточной надписи покупателя.

Я снова повторила трюк с языком и вернула билет в первоначальное положение. Он слегка намок, но скоро высохнет.

Но постойте-ка! Обо всем ли я подумала?

Что, если они проведут тест слюны? Сообразит ли сержант Вулмер провести тест на слюну на этой хрупкой улике?

Больше двадцати лет назад немецкий исследователь Мюллер предложил тест, по результатам которого можно было определить наличие слюны – благодаря ферменту альфа-амилазе. Но насколько я знаю, Мюллер не мог отличить альфа-амилазу человеческой слюны от этого же фермента, содержавшегося в некоторых бактериях и грибах, а также слюне определенных видов обезьян.

Если меня обвинят, это будет хороший аргумент для защиты: может быть, билет был в контакте с грибами или бактериями, выпал из кармана мистера Сэмбриджа во время прогулки в лесу и приземлился на гриб.

Или его лизнул какой-нибудь игривый шимпанзе в зоопарке.

При этой мысли я улыбнулась – первый раз за много месяцев.

Меня развеселила химия. Химия может вознести вас из грязи в космос.

За исключением некоторых случаев.

Все легко может пойти не так. Даже несведущие средневековые алхимики признавали, что в химических операциях часто бывает замешан дьявол.

Надо быть осторожной.

Непросто перехитрить сотрудников полиции.

Однако никто еще не слышал о том, чтобы жертв убийства – если мистер Сэмбридж действительно убит – подвешивали вверх ногами.

Что, если это какая-то странная ритуальная человеческая жертва?

Я понюхала воздух, но не обнаружила никаких признаков свечей или дыма; ничего похожего на горелый жир младенца или чего-то вроде этого. Не думаю, что я могла бы это пережить. У меня невероятно острый нюх, но некоторые вещи просто нельзя вынести.

Нет, я чувствовала только слабый запах серы, который вполне мог остаться от зажженной спички.

Убедившись, что в комнате нет следов сажи и пепла, пентаграмм и прочих вещей, о которых Даффи узнает из душераздирающих романов Денниса Уитли и которые она с удовольствием пересказывает мне по вечерам, я с облегчением вздохнула.

Но как только я похвалила себя за хладнокровие, со стороны тупа донесся скрип. Я быстро развернулась и увидела, что он шевелится.

3

Я чуть не выпрыгнула из кожи вон.

Руки трупа медленно тянулись ко мне, все его тело шевелилось.

Оно медленно качалось, по мере того как дверь в комнату со скрипом открывалась.

У меня перехватило дыхание, и тут что-то начало просачиваться в спальню.

Кот. Не черный, как можно было бы ожидать, а пестрый. Но ни в чем никогда нельзя быть уверенной, так что я решила не рисковать.

– Привет, – поздоровалась я. – Как тебя зовут? Грималкин? Гризел? Гридигут⁴?

Кот ответил мне безразличным «мяу».

Я знаю, нет смысла разговаривать с котами, когда их хозяин висит вверх ногами на двери, но жизнь странная штука. Когда нам страшно, мы несем чепуху в надежде, что наше притворство вернет все на свои места.

Некоторые люди приходили на гильотину с вопросом: «Я не опоздал?»

Так или иначе, все это неважно. Кот взглянул на меня, с надеждой ткнул в волосы покойного хозяина, потом пересек спальню, запрыгнул на кровать и начал вылизываться.

– Милый котик, – сказала я то, что обычно говорят котам.

Если бы не кот, я бы не додумалась осмотреть кровать. Я опустилась на четвереньки и заглянула под нее.

Ничего. Даже пыли нет. Для мужчины, к тому же заядлого холостяка, мистер Сэмбридж был удивительно хозяйственным.

Встав на ноги, я провела руками под подушками. Ничего, даже пижамы.

В изголовье кровати была прикреплена резная полочка.

Жизнь с сестрицей Даффи научила меня тому, что о людях можно многое сказать, если покопаться в их дневниках и книгах, – занятие, которое я очень люблю и в котором я, надо признаться, крупный специалист.

Библиотека мистера Сэмбриджа была невелика – дюжина томов или около того. Некоторые из них были сильно зачитаны – Библия короля Якова и «Анатомия меланхолии» Роберта Бертона, но остальные, такое впечатление, никто не открывал. Они были такими же хрустящими и свежими, словно только утренней почтой приехали из «Фойлз»⁵.

Как ни странно, у него было несколько экземпляров одних и тех же книг, абсолютно новых, в свежих суперобложках.

Я сразу же узнала их по ярким иллюстрированным обложкам: «Дождливые дни», «Лошадкин домик», «История Криспиана Крампета» и «Садовые пираты» – бессмертная детская классика пера Оливера Инчболда.

Кто в Англии или во всей Британской империи и даже за ее пределами не слышал эти стихи в том возрасте, когда первый раз берет в руки ложку? В мою память врезались:

Славно под дождем гулять –
Бульк и плюх! Бултых!
Прачке в жизнь не отстирать

⁴ **Грималкин** – кот шекспировских ведьм из «Макбета». **Гризел** **Гридигут** – коты ведьмы Джейн Уоллес, жившей в XVII веке в Хантингтоне.

⁵ «**Фойлз**» – сеть книжных магазинов в Англии, основанная в 1903 году. Знаменитый магазин, расположенный на Черинг-Кросс роуд, однажды попал в Книгу рекордов Гиннеса как магазин с самым большим количеством представленных книг и с самой большой совокупной длиной полок.

Новых брюк моих!⁶

Или еще хуже:

Капитанский любимец, большой кенгуру,
На рагу будет пущен у нас ввечеру.

Я смутно припомнила, как несчастная мисс Герди механически и без выражения читает эту чушь, пытаясь запихнуть ложку овсянки мне в рот, а я сижу на высоком стульчике.

Для человека вроде меня, которому открылись богатства подлинной поэзии, эти детские рифмы – немислимое падение. Я вспомнила один дождливый день, когда я была совсем маленькой, и Даффи на чердаке репетировала «Ветер Западный»⁷:

О ветер западный, повеи,
Вели дождю лить-поливать.
А мне бы с милою моею,
Исусе, дома почивать.

За окном по свинцовым подоконникам стучал аккомпанементом дождь.

Вей, ветер, на Мартынов день,
Лютуй, сорви с дерев листву.
Вся жизнь моя – пустая тень.
Я смерть к себе зову.⁸

Что-то в глубине моей души отозвалось на эти слова, и я вздрогнула. Хотя в то время я этого не понимала, но это было чувство одиночества: чувство, которое мне вскоре после этого предстояло узнать, а потом научиться ценить.

Кенгуру капитана Кенглтона, черт возьми!

Воспользовавшись носовым платком, чтобы не оставить отпечатки пальцев, я взяла экземпляр «Дождливых дней» и открыла наугад.

Славно под дождем гулять –
Бульк и плюх! Бултых!
Прачке в жизнь не отстирать
Новых брюк моих!

Никуда не деться от этой чепухи – даже на месте убийства.

Но потом я подумала: минутку!

Что, если здесь таится какое-то послание? Может, книга не случайно открылась на этом самом месте? Ищут же люди в Библии ответы на свои вопросы, тыкая пальцем наугад в страницу? «Гадания» – так это называла Даффи и утверждала, что это чушь собачья.

Прачке в жизнь не отстирать новых брюк моих!

⁶ Здесь и далее стихи в переводе Михаила Савченко.

⁷ «Ветер Западный» – старинная английская песня XV века. Ее мелодия настолько известна, что несколько композиторов включили ее в мессы, Стравинский использовал ее для своей кантаты 1952 года, и она исполняется до сих пор.

⁸ «Мартынов день» – старинная английская баллада.

Неужели эти слова не имеют ни малейшего отношения к моему теперешнему затруднительному положению? Они так подходят. Кроме того, идет дождь: Славно под дождем гулять. Бульк и плюх! Бултых!

«Глэдис» определенно оценила бы по достоинству это странное отражение наших жизней. Эти звуки идеально изображают ее движение по лужам.

«Придерживайся фактов», – произнес дядюшка Тарквин в моей голове.

Я медленно листала страницы: вот Криспиан Крампет строит на берегу песочные замки, а вот он кормит пони яблоком, протянув руку над калиткой. Вот в стихотворении «Маленький Икар» он приклеивает перья к рукам, а вот жарит каштан на палочке на костре.

Интересно, настоящий сын Оливера Инчболда, которого он описывал в своих книгах, и правда все это делал или это просто полет разгоряченной фантазии автора?

Раньше я этого не замечала, но теперь обратила внимание, что мальчик, несмотря на все свои сумбурные выходки, всегда изображается чисто одетым, аккуратным и безупречным, как святой. Ни единой капли грязи нет в мире Криспиана Крампета. Болезни и горе ему неведомы.

Почему жизнь этого отвратительного ребенка наполнена светом и теплом, в то время как моя – дождем и утратами?

Вздыхнув, я закрыла книжку и вернула Криспиана на полку.

Его жизнь и моя непохожи, как день и ночь.

«Прекрати!» – скомандовал дядюшка Тарквин, и на этот раз я послушалась.

Только сейчас я осознала, как удивительно то, что я вижу. С чего бы взрослому человеку, *пожилому* мужчине, ставить на полку детские книги?

Да еще в нескольких экземплярах?

Может, это второе детство, как в случае со старым мистером Терри, бывшим церковнослужителем в Святом Танкреде? По словам миссис Мюллет, мистер Терри печет пирожки из земли в духовке и пытается ловить малиновок в саду викария, если остается без присмотра.

Я снова взглянула на мистера Сэмбриджа. Даже мертвый, он не производил впечатления человека, лишившегося ума. Наверняка викарий и его жена заметили бы, и Синтия Ричардсон вряд ли отправила бы меня одну без предупреждений и объяснений в дом спятившего человека.

Человек не в своем уме вряд ли смог бы зарабатывать на жизнь вырезанием из дерева христианских предметов и сюжетов.

Может, он коллекционирует книги.

Я знаю, есть люди, которые так же сходят с ума по книгам, как мой отец по маркам. Например, моя сестрица Даффи может нудеть о форзацах, выходных данных и первых изданиях не то что до тех пор, когда ад заледенеет, но и когда он снова разморозится.

Снова воспользовавшись платком, я начала аккуратно снимать книги Оливера Инчболда с полок и смотреть на титул: первые издания, все до единого. Ни единой подписи или дарственной надписи.

Под названием и именем автора на каждой книге был логотип издательства – «Ланселот Гэт», Лондон, и адрес на Бедфорд-сквер.

Больше ничего: ни отметок, ни подчеркиваний, ни закладок.

Только одна книга, довольно потрепанный экземпляр «Лошадкиного домика», была без суперобложки и лежала на Библии и томике Шекспира.

Я открыла ее. Тоже первое издание. Имя хозяина было написано тонкими неаккуратными заглавными буквами зелеными чернилами, испачкавшими промокашку:

Карла Шеррингфорд-Кэмерон.

Мое сердце подпрыгнуло от радости и еще кое-какого чувства.

Я знаю Карлу.

Что, во имя всех святых, делает книга Карлы в спальне престарелого резчика по дереву, живущего в нескольких милях от ее дома в Хинли?

Есть только один способ узнать – допросить Карлу. Даже если она не знает, она расскажет мне все, что можно.

Оставался также вопрос насчет мистера Сэмбриджа. Кто его убил и зачем?

Время на исходе, мне надо возвращаться в Букшоу. Второй возможности осмотреть место преступления не представится. Это мой единственный шанс, и надо использовать его по максимуму.

Перед тем как продолжить изучение трупа, я профессионально обыскала комнату: быстро, но внимательно.

На ходу я составляла мысленный список: ничего не перевернуто, ничего не пролито, никаких следов в пыли, указывающих на то, что какой-то предмет, например инструмент, был передвинут или унесен из комнаты. На самом деле, пыли вовсе не было: дальнейший осмотр показал, что мистер Сэмбридж был на удивление аккуратен.

Возвращаясь к моему списку: на полу ничего, свежих царапин или потертостей нет, под ковром ничего, за картинами на стенах тоже (пейзаж, изображающий пески Маргейта, с подписью, и довольно приличная акварель лесной просеки – удивительно точная работа, которая словно переносит вас в то место).

Кувшин, умывальник, стакан с водой, зубная паста и щетка на прикроватном столике – осмотр закончен. Я уже знала, что у мистера Сэмбриджа сохранились почти все зубы – настолько редкое явление, что о нем следовало помнить, о чем я знала по своим визитам на Фаррингтон-стрит, где висели таблички в армейском стиле:

«Болезнь десен – тихий враг. Он ударяет, когда вы спите!»

«Держим оборону. Против кариеса!»

«Избегайте светомаскировки. Чистите зубы после каждого приема пищи!»

Эти девизы научили меня тому, что наши английские зубы – редкое явление и что мы должны их беречь, как драгоценности короны.

Такое впечатление, что кот, продолжавший вылизываться на кровати, почувствовал, что я закончила. Он подпрыгнул и, взмахнув хвостом, как флагом, промаршировал к двери и вышел наружу, не удостоив мистера Сэмбриджа и взглядом.

Я последовала за ним, закрыв за собой дверь (разумеется, с использованием носового платка) и проконтролировав, чтобы замок закрылся. Мысль о коте, запертом наедине с человеком в состоянии мистера Сэмбриджа, – это для меня слишком, несмотря на мой крепкий желудок. Есть подробности, о которых не осмеливался писать даже Эдгар Аллан По.

Следующим пунктом на повестке дня был звонок в полицию: действие, которое следовало хорошенько обдумать. Торопиться нельзя, но при этом надо производить впечатление человека, готового к сотрудничеству. Инспектор Хьюитт будет судить меня по моему профессионализму, нельзя его разочаровывать.

Выйдя во двор под морозящий дождь, в сопровождении кота я подошла к «Глэдис». На другой стороне тропинки, ведущей в Торнфильд-Чейз, стоял коттедж, и его обитатели наверняка видели, как я вошла в дом мистера Сэмбриджа. В английских деревнях мало что ускользает от внимания соседа.

Словно иллюстрируя мои мысли, в окне коттеджа шевельнулась кружевная занавеска. Меня заметили.

По всей видимости, обитатели коттеджа не знают, что мистер Сэмбридж мертв. Если они были в курсе, они бы окликнули меня или позвонили бы в полицию.

Я подумала, что лучший вариант – уйти как ни в чем не бывало, словно я обычная деревенская девчонка, катающаяся на велосипеде. Чтобы усилить впечатление, я подкатила

«Глэдис» к падубам, растущим у калитки, и попутно подумала, что эти деревья часто так сажают, чтобы защититься от колдовства и молний.

Чего боялся мистер Сэмбридж?

Быстро оглянувшись и делая вид, что я проверяю, наблюдают за мной или нет, я отломила веточку с горсткой ягод и, встряхнув волосами, небрежно заткнула ее за ухо.

Флавия Сабина Долорес де Люс.

Однажды именно так я представилась носатой библиотекарьше.

Хотя я сдержалась, чтобы не прищелкнуть каблуками, я практически слышала этот звук.

Готово. Кружевная занавеска торопливо вернулась на место.

Кот, сидевший у калитки, встал и подошел ко мне, задрал хвост, как будто хотел что-то рассказать.

– Мяу, – заявил он.

– Прости, котик, – ответила я. – Не могу взять тебя с собой. Иди поймай мышь. Веди себя хорошо, пока за тобой не придут.

Мы с «Глэдис» направились в сторону дома. У меня еще есть достаточно времени для размышлений.

От Паупер-Уэлла к холму Дэнхем ведет длинная крутая ровная дорога. Пригнувшись к рулю, я быстро разогналась, а потом выпрямилась, наслаждаясь головокружительным спуском.

Мне представлялось, что я – Дональд Кэмпбелл, а «Глэдис» – гоночный катер «Блюберд», и что мы несемся по озеру Конистон со скоростью сто семьдесят километров в час. Когда мир вокруг сливается в пестрое пятно, нетрудно понять, почему люди питают страсть к скорости, и только на середине спуска встреча с коровой заставила меня вернуться к реальности и продолжить путь к Бишоп-Лейси более аккуратно.

На главную улицу въехала уже медленная и скромная мисс Чопорность: плечи назад, спина прямая, сплошь прямые углы, приличествующие старой деве средних лет – человеку, который никоим образом не может быть замешан в убийстве.

Помимо воли я поджала губы, коротко кивнув хозяину «Тринадцати селезней» Талли Стокеру в ответ на его приветствие. Талли стоял на табуретке с перочинным ножом в руке, доводя до совершенства новую оконную раму в своем трактире.

Талли подстраховывал худой, довольно хлипкий джентльмен, которого я раньше не видела, и я задумалась, куда подевался помощник Талли Нед Кроппер.

Нед – очередная жертва в ряду бесчисленных ухажеров Фели. Хотя Нед не был обучен светским манерам, он научил меня громко свистеть в два пальца, так чтобы меня было слышно аж на ферме «Голубятня».

С ним что-то случилось в мое отсутствие? Его уволили или с ним произошло несчастье? Я надеялась, что нет. Может, он махнул рукой на Фели, женился на другой и эмигрировал, например в Австралию, чтобы заняться фермерством или открыть собственный трактир. Если так, дочь Талли Мэри должна быть вне себя от горя. Она всю жизнь влюблена в Неда.

Я взяла на заметку поговорить с ней попозже.

Но сейчас мне надо сосредоточиться на том, каким образом я сообщу о кончине мистера Сэмбриджа.

Я смогла держать свое возбуждение под контролем до того момента, как оказалась в домике викария.

– Он мертв! – воскликнула я, влетая в дверь и даже не потрудившись постучать. – Мистер Сэмбридж умер!

Синтия, находившаяся на кухне, широко распахнула глаза, когда я влетела в ее объятия и спрятала лицо у нее на плече. Я еле сдерживалась, чтобы не взмолиться о том, чтобы она вызвала полицию. Временами надо следовать природному ходу вещей.

Я согласилась выпить чаю, и, несмотря на адское слюнотечение, отказалась от печенья «Пик Фрин».

– Бедняжка! – произнесла Синтия, и я позволила ей утешать меня. Она нуждается в этом больше меня. – Это было ужасно?

Я прикусила нижнюю губу и чинно кивнула.

– Понимаю, – сказала она. – Ты не хочешь об этом говорить. Я позвоню констеблю Линнету. Он знает, что делать.

«Да уж, – подумала я. – У него хватит мозгов, чтобы позвонить инспектору Хьюитту и его сотрудникам, детективам-сержантам Вулмеру и Грейвсу».

– Вот, высморкайся, – предложила Синтия, извлекая платок словно ниоткуда, и я послушалась.

4

– Флавия, Флавия, Флавия, – повторил инспектор Хьюитт.

Он отправил Грейвса и Вулмера осмотреть Торнфильд-Чейз, но решил сначала допросить меня лично, перед тем как отправиться следом за ними.

Разумный выбор, подумала я, и мне это льстит.

Под струями декабрьского дождя окутанный аурой старости и книг дом викария выглядел особенно мокрым и унылым – идеальный антураж для нашей встречи. Темно, и все углы просто источают запах тайн и историй, которые когда-то здесь рассказывались.

Синтия, как всегда деликатная, скрылась в самом дальнем углу дома, предоставив нам с инспектором возможность поговорить наедине.

– Ты прикасалась к чему-нибудь?

Его первый вопрос мне не понравился.

– Разумеется, нет, инспектор. Я же все понимаю.

– М-м-м, – протянул он, не подтверждая и не опровергая мои слова.

Поскольку Синтия уже объяснила, что это она отправила меня с поручением, нам осталось только обсудить место преступления.

– Ты что-то видела, когда ехала в Торнфильд-Чейз или возвращалась оттуда?

Я рассказала о дернувшейся занавеске. Честность – лучшая стратегия, в том случае если любопытная Варвара, живущая по соседству, уже донесла обо всем инспектору.

– И все? – допытывался он, проверяя мою наблюдательность.

– Нет, никого, инспектор. Только когда я вернулась в Бишоп-Лейси. Мистер Стокер чинил подоконник в «Тринадцати селезнях».

– Гм-м, – промычал он, потирая подбородок. – Странно, в такое время суток? Проехать всю дорогу до Торнфильд-Чейза и обратно и не заметить ни единой живой души?

Я тоже могу играть в эту игру.

Я пожалала плечами. Вряд ли я могу отвечать за географическое распределение всего населения Великобритании в определенное время суток в один дождливый день.

– Я просто думаю вслух, – сказал он после нервирующей паузы. – Как ты полагаешь, сколько времени он уже мертв?

– Недолго, – тут же ответила я.

– Как ты определила?

Слишком поздно. Я угодила в его ловушку.

– Изменения цвета кожного покрова. Кажется, это называется гипостаз посмертный.

На самом деле я прекрасно знала, как это называется, но не хотела слишком рано продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство.

– Отлично! – сказал инспектор Хьюитт, и я слегка раздулась от гордости. – В котором часу это было?

– Кухонные часы показывали три минуты одиннадцатого, – ответила я.

– Благодарю тебя, Флавия, – сказал он. – Это очень полезно. Я надеялся, что ты что-то заметишь.

В комнате стало теплее или это организм играет со мной шутки? Я стремительно краснела и ничего не могла с собой поделать.

Я сделала вид, что закашлялась, но, кажется, слишком поздно.

– Это потому что он висел вверх ногами, – добавила я, стремясь быть полезной. – Имею в виду гипостаз посмертный. Он был бы более выражен...

– Благодарю, – перебил меня инспектор. – Но, прошу тебя, больше ничего не говори. Я еще не был на месте преступления и хотел бы получить первые впечатления самостоятельно.

Я решила, что это ложь или, по меньшей мере, уклончивость. Труп либо висит вверх ногами, либо нет – без разницы, увидишь это собственными глазами или услышишь от кого-нибудь. Но если это ложь, она из тех, что я ценю: я бы сама использовала такой же предлог.

Инспектор захлопнул записную книжку и встал. Он записал только время, которое я назвала.

Должна признаться, мне не хотелось, чтобы он уходил. До этого момента я не осознавала, как мне недостает его безраздельного внимания. Временами это то, что мне нужно.

Это любовь? Не знаю, но ощущения неприятные. Я готова сделать что угодно, лишь бы задержать его еще на несколько минут.

– Как миссис Хьюитт? Антигона?

– Очень хорошо, спасибо. Я передам ей, что ты о ней справлялась.

Он повернулся, собираясь уйти.

– На самом деле, – сказал он, положив ладонь на дверную ручку, – она писала тебе в Канаду, но письмо вернулось нераспечатанным со штампом «Адрес неизвестен. Вернуть отправителю».

У меня перехватило дыхание.

– Это невозможно! Она отправляла его в женскую академию мисс Бодикот в Торонто?

– Полагаю, да, – ответил он. – Но теперь это не имеет значения, верно? Поскольку ты здесь.

Я смогла только молча кивнуть.

Что за кретин отослал письмо Антигоны обратно? Может быть, мне приходила и другая почта, которую тоже возвращали? Может, поэтому за все время моего заключения в Канаде я получила только одно письмо от Доггера?

Должно быть, мои мысли отразились на моем лице.

– Ну ладно, – сказал инспектор. – В любом случае, добро пожаловать домой.

Вот так чаще всего происходит наше общение с инспектором Хьюиттом. Оставляет ощущение легкой неудовлетворенности.

Секунду спустя он ушел, и я осталась наедине со своим мыслями.

Как обычно.

Я покричала Синтии, которая, судя по голосу, была где-то на чердаке.

– Синтия, спасибо! Я поеду домой!

– Я сейчас спущусь, – издали донесся ее ответ.

– Не утруждайтесь! – ответила я. – Мне надо торопиться в больницу.

Не успела она сказать и слово, как я вышла из дома, вскочила на «Глэдис» и умчалась.

Даже вблизи, когда я повернула к воротам Малфорда и покатила по каштановой аллее, Букшоу казался удивительно тихим, словно покинутым.

Хотя это не самое людное место в Бишоп-Лейси, здесь все время кто-то мелькает, будь то миссис Мюллет, почтальон, фургон, доставляющий покупки, или такси.

Сейчас тут было на удивление спокойно и безлюдно. На гравиевой дорожке не было видно такси, хотя нам вот-вот надо уезжать в больницу Хинли.

Я припарковала «Глэдис» и открыла парадную дверь.

Тишина. Я склонила голову и воспользовалась своим сверхъестественно чутким слухом – эту способность, порой причиняющую мне беспокойство, я унаследовала от моей покойной матери Харриет.

Ни звука. Абсолютная тишина в доме.

Я вышла – на самом деле прокралась на цыпочках – в центр вестибюля и снова прислушалась.

– АААА-А-ААААА-А-ААААА-А-АААА-ААА!

Такое ощущение, что этот душераздирающий вопль доносится со всех направлений одновременно.

Мне на плечи рухнуло что-то тяжелое, и я грохнулась на пол.

– Поймала! – завопила Ундина. – Я Тарзан, повелитель обезьян, а ты – вторгшийся в мои владения бородавочник!

Я перекатилась на спину и уставилась на длинную тяжелую веревку, лениво качающуюся взад-вперед по вестибюлю. Кажется, она закреплена где-то высоко наверху, на лестнице.

– Что ты делаешь? – сердито спросила я. – Я могла серьезно пострадать. Ты могла сломать мне позвоночник! Зачем ты привязала эту веревку? Я все расскажу.

Слабая угроза, и я думаю, Ундина это поняла. Пока отец лежит в больнице, жаловаться на нее некому.

– Расскажу Доггеру, – добавила я.

– Ха! – был ее ответ. – Доггер все знает. Он помогал мне привязать ее.

Я дернулась, словно меня ударили в лицо.

Доггер? Привязал веревку, чтобы Ундина могла играть в свои дурацкие игры?

Мой мозг отказался размышлять над этим. Это такая же чушь, как если бы фермер пытался завести трактор, пихая сено в бак с бензином.

– Я тебе не верю, – заявила я.

– Это правда, – тихо сказал Доггер. По своему обыкновению, он возник словно из ниоткуда. – Мисс Ундина очень скучала по родине и по матери. Я подумал, если воссоздать что-то оттуда, пусть даже...

– Спасибо, Доггер, – перебила я. – Понятно.

Хотя мне вовсе не было понятно. Наверное, для его предательства имелись веские причины, но я не готова закопать топор войны.

Мать Ундины, Лена из корнуольских де Люсов, приехала с дочерью в Букшоу из Сингапура, перед тем как найти свой прискорбный конец в приходской церкви.

Что человек-обезьяна может иметь общего с Сингапуром – за пределами моего понимания; может быть, эта веревка должна напоминать девочке о фильмах с Джонни Вайсмюллером, которые она смотрела с матерью в более счастливые времена.

Тем временем веревка медленно и укоризненно покачивалась туда-сюда, словно нелепая декорация в одной из тех утомительных детективных пьес, которые ставят в Вест-Энде.

На секунду она напомнила мне о другой веревке, вернее, о веревках, на которых был повешен мистер Сэмбридж в своей спальне в Торнфильд-Чейзе, но не успела я детально обдумать этот вопрос, как мысль ускользнула.

– Мисс Ундина долго ждала подходящего момента, чтобы удивить вас, – добавил Доггер.

– И у меня получилось, не так ли? – закаркала Ундина. – Ну давай же, Флавия, признай это. Я тебя до смерти напугала, верно?

– Да, – согласилась я, – определенно.

Внезапно меня охватило необъяснимое желание схватить эту одинокую маленькую девочку и крепко обнять, но, к счастью, я умею подавлять неадекватные порывы. Кровь де Люсов сильнее, чем сантименты.

«Что со мной происходит, – подумала я. – Размягчение мозгов?»

Может, я скоро превращусь в слюнявую идиотку и меня запрут в высокой башне, как часто случается в английских титулованных семьях?

Хотя тоска по дому принимает разные формы, иногда возвращение страшит куда сильнее, чем жизнь вдалеке. Может, об этой болезни мне рассказывал Доггер? О болезни, лекарство от которой куда хуже, чем сама болезнь?

Я думала не столько об Ундине, сколько о себе самой.

– Пожалуй, я попудрю носик и буду собираться ехать в больницу, – сказала я, отчаянно пытаюсь выйти из этой неловкой ситуации.

– Боюсь, сегодня мы туда не поедem, – тихо сказал Доггер. – Главная медсестра считает, что полковнику нужен покой, и доктор Дарби согласен с ней.

Я почувствовала привкус разочарования во рту, более горький, чем желчь и даже чем бруцин или стрихнин, а это две самые отвратительные субстанции, которые известны человечеству.

Меня охватила ярость. Мне показалось, что я вот-вот вспыхну и сгорю дотла. Я едва осмеливалась вздохнуть, чтобы не раздуть огонь.

Где же я взяла силу, позволившую мне с мудрым видом кивнуть, как будто я целиком и полностью согласна? Силу, заставившую меня грациозно подняться по лестнице, словно я Вивьен Ли в напудренном парике, шелках и парче?

Не говорите мне, что чудес не бывает.

Они есть.

Я лежала на кровати, сцепив руки за головой. Когда вы расстроены, иногда в голове вертится дурацкий стишок, и я все время вспоминала глупые строчки.

О Тимбалло! Плыдем мы к мечте –
Кто в глиняной плошке, а кто в решете!

Это написал Эдвард Лир, и он был мудрым человеком. Жить в решете – это идеальное описание моей теперешней ситуации. Сам Шекспир не выразился бы лучше.

Вчера на берегу морском
Весь день возился я с песком,
Лопаткой рыл и рыл...

А это Роберт Льюис Стивенсон.

В детстве я думала, что этот детский стишок рассказывает о похоронах на пляже, а потом была глубоко разочарована, узнав, что это просто описание глупой игры в песке.

Криспиан Крампет тоже строил замки из песка, не так ли? В книгах Оливера Инчболда? Как заправский гробокопатель, Криспиан все время орудовал лопаткой.

Например:

Криспиан яму копает в саду,
Усердия – хоть отбавляй!
«Куда ты собрался, дружок?» – я спросил. –
«В Бенгалию... или Китай». –

«А что ты оттуда с собой привезешь?» –
Фантазии хоть отбавляй! –
«Ковер для гостиной работы ручной,
Парочку тигров и чай».

Зачем мистер Сэмбридж хранил первые издания этой чепухи в безупречном состоянии на прикроватном столике? И почему в одном из них было имя Карлы Шеррингфорд-Кэмерон?

Это Карла убила старого резчика по дереву? Маловероятно, но случались и более странные вещи, я прекрасно это знаю – не только по радиопередачам о приключениях детектива Филипа Оделла, но и по собственному опыту.

Что, если между этой девушкой и владельцем Торнфильд-Чейза есть скрытая связь? Может, он ее дедушка?

Мои мысли прервал грохот дверной ручки. Поскольку Доггер никогда не стучал ручкой в дверь, я сразу поняла, кто это.

– Убирайся! – сказала я.

– Открой дверь! – донесся голос Ундины.

Я угадала!

– Уходи, я сплю.

– Впусти меня, Флавия. Это жизненно важно.

Я не смогла сдержать улыбку.

– Минуту, – ответила я и выдержала паузу, перед тем как открыть дверь.

– Прости, что причинила тебе неудобства, – сказала она. – Абу, бывало, говорила, что «причинить неудобства» означает сдернуть кого-то с горшка. Она была очень остроумна, знаешь ли.

Абу – так она называла мать, когда они жили в Сингапуре.

– Возможно, – сказала я. – Что тебе надо?

– Фели обещала сводить меня на рождественский концерт в Святом Танкреде, но отговорила головной болью. Ей надо уже наконец выйти замуж за Дитера и прекратить дурить.

– Гм-м, – протянула я. Не хочу связываться с любовной стратегией Фели – во всяком случае, с участием Ундины.

– Концерт начинается в половине второго, – продолжила Ундина. – Детей будут угощать имбирным печеньем, а взрослых – улуном. Я обожаю улун. Ты можешь украсть его для меня.

Хотя мне польстило, что меня считают взрослой, я вовсе не была поклонницей чая улун, который, на мой вкус, отдавал рыбой и рисом.

– Нет, спасибо, – отказалась я, – у меня другие дела.

– Например?

– Отстань. Иди покачайся на своей веревке и съешь банан. А кстати, передавай привет Джейн.

Ундина печально взглянула на меня.

– Ты меня не любишь, да?

– Конечно, я тебя люблю! Так люблю, что готова обмазать тебя кетчупом и съесть.

Ням! Ням! Ням!

– Фу! – сказала Ундина. – Ты отвратительна. Ну давай, Флавия. Будет петь Карла Шеррингфорд-Кэмерон, ты же не захочешь это пропустить?

Она открыла рот и сделала вид, что засовывает пальцы внутрь, чтобы вызвать рвоту.

Десять минут спустя мы неслись по мокрому полю под свинцовым небом по направлению к деревне.

5

Карла Шеррингфорд-Кэмерон, сложив ладони на талии, словно крабьи клешни, пела «Нежную девушку»⁹, и я поймала себя на мысли, что мне срочно нужно ружье – хотя я не решила, для чего: избавить Карлу от мук или покончить с собой.

С ее огромными глазами, прилизанными рыжими волосами и бледной, как творог, кожей она напоминала морское создание кисти Боттичелли: лупоглазую русалку, попавшую в рыбацкие сети и оказавшуюся между двумя мирами.

Это сама судьба в буквальном смысле слова толкнула Карлу мне навстречу в тот миг, когда она потребовалась, и избавила меня от крайне утомительного путешествия в Хинли. И хотя я могла бы найти адрес в телефонном справочнике, мысль о том, что судьба схватила Карлу за шиворот и бросила к моим ногам, как собака приносит кость, грела мне душу.

Карла была ученицей мисс Лавинии и Аурелии Паддок – претендующих на обладание музыкальными талантами старых дев, которые своей унылой игрой на пианино губят на корню все публичные мероприятия в Бишоп-Лейси.

Хотя она жила в нескольких милях отсюда, в Хинли, Карла часто приезжала на автобусе петь у нас, руководствуясь правилом, что лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе.

Она и легка и стройна,
И шепчут мужчины: «Легка и стройна!»

Она вопила, словно подстреленная куропатка.
Ничего не имею против пения, если оно хорошее. Я и сама временами пою. Но иногда это уж чересчур, и сейчас был тот самый случай.

Видимо, бессознательно имитируя позу Карлы, я стиснула ладони на талии.

И шепчут мужчины...

После ее длинного пронзительного и-и-и (это называется «фермата», как мне говорила сестра моя Фели, и ее можно держать так долго, как пожелает исполнитель) воцарилось драматическое молчание. Мои суставы хрустнули – все десять пальцев.

Одновременно.

Все в церкви оглянулись в поисках неприятного звука, включая Карлу и меня.

Ундина, ухмыльнувшись, жутковато хихикнула и показала мне большие пальцы.

Надо отдать Карле должное, она быстро совладала с собой и допела песню.

«Легка и стройна!»

И убежала.

Я нашла ее на кладбище, она рыдала.

Я вспомнила слова поэта Уолтера де ла Мара:

Феномен, признаюсь, престранный,

⁹ Песня «Нежная девушка» (Lass with a Delicate Air) – одна из самых известных работ английского композитора XVIII века Майкла Арна.

Не знаю я факта странней:
Всё то, что мисс Т. было съедено,
В итоге сливается с ней.

Если мистер де ла Мар не ошибся, Карла, должно быть, питается светлячками. Ее красное лицо практически светилось изнутри, и лоб блестел от жира.

– Ненавижу тебя, Флавия де Люс! – выплюнула она. – Ты все испортила. Ненавижу тебя! Презираю тебя! Презираю!

– Извини, – ответила я. – Это получилось непроизвольно.

«Непроизвольно» – слишком сильное слово, слишком претенциозное, но оно вырвалось у меня раньше, чем я смогла совладать с собой.

В ответ Карла вспыхнула, как огонь.

– Вы, де Люсы, такие... такие... вы думаете, вы лучше всех! – в ее голосе слышалось шипение тысячи змей.

– Послушай, Карла, – я попыталась успокоить ее. – Это вопрос механики, а не злого умысла. Если приложить значительную силу к проксимальным фалангам и пястным костям...

– Ой, к черту твои проксимальные фаланги! – прорычала Карла, и я втянула воздух и широко распахнула глаза с таким видом, как будто ужасно шокирована.

– Карла!

Первый шаг к успеху – обрести моральное превосходство над противником, и если ты можешь сделать это одним словом или жестом – ты гений.

Еще я изумленно приоткрыла рот – это, конечно, перебор, но ведь избыток золота в Сикстинской капелле не погубил репутацию Микеланджело? С чего бы легкому преувеличению погубить мою?

Мысль о золоте напомнила мне, что это золотая возможность.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказала я, положив руку ей на плечо. – Мы с тобой очень похожи, ты и я.

Вот уж что нет, то нет, но второй шаг к успеху – установить связь с жертвой.

Карла бросила на меня взгляд, в котором читалась странная надежда. Мне чуть было не стало ее жаль.

– Мы с тобой? – переспросила она, и я поняла, что она моя.

– Разумеется! – рассмеялась я. – Все знают, как ужасно обращаются с тобой твои родные.

Это был выстрел наугад, но я сразу поняла, что попала точно в цель.

– Да? – произнесла она, и ее лицо омрачилось.

По словам моей сестрицы Даффи, Толстой написал, что все счастливые семьи счастливы одинаково, а все несчастные несчастны по-своему. «Как мы», – добавила она с жуткой гримасой. Что ж, Толстой ошибался. На самом деле дела обстоят наоборот, во всяком случае, судя по моему скромному опыту.

Я совершенно ничего не знала о Карле, но было очевидно, что у нее должна быть семья.

– Ты права, – неожиданно сказала Карла. – Они и правда обращаются со мной ужасно. Они думают, что я неудачница.

– Почему они так думают? – поинтересовалась я.

– Потому что они сами – полные неудачники. Мама безуспешно пыталась стать скульптором, а отец – рекламным агентом. Интересно, что не получится у меня, когда я вырасту.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – пробормотала она, потупив взор, как будто быть шестнадцатилетней – ужасное преступление.

– Давай лучше поговорим о чем-то более приятном, – сказала я, положив другую руку на ее плечо.

Она с сомнением взглянула на меня.

– «Нежная девушка», – проговорила я. – На самом деле ты пела о себе, верно?

Я помолчала, чтобы мой туманный комплимент дошел до нее. Сообразительность Карлы оставляла желать лучшего.

– И ты так прекрасно пела, – ободряюще продолжила я.

– Ты правда, правда так считаешь? – она уставила на меня огромные влажные очи.

Кто-то сказал, что лгущие губы порочат Господа, но я уверена, что те, которые выясняют правду, – воистину его радость.

Мне пришлось хорошенько подумать, перед тем как продолжить:

– Я не думаю, я знаю. – И я легонько сжала ее плечи.

Наверное, я вечно буду гореть в аду за эту откровенную ложь, но мне наплевать. Просто тем, кто в раю, придется обойтись без меня.

– Эта песня всегда напоминает мне другую – «Кто знает, где судьба ее настигнет», основанную на стихотворении Шелли. Наверняка ты ее знаешь.

Я была уверена, что Карла не знает, поскольку я только что ее выдумала.

Карла кивнула со знающим видом.

Готово! Действие равно противодействию! Где-то на небесах святой Петр пачкает свою большую книгу и сквернословит в наш адрес.

– Или, – продолжила я, – «Король песков», – и процитировала:

Из глины слеплю я всамделишный дом –
И стены, и пол, честно-честно!
Поселимся в нем мы с тобою вдвоем,
Нам будет с тобою не тесно!

– Оливер Инчболд, – сказала я. – Все это знают. Это из «Лошадкиного домика». Я всегда думала, что это стихотворение рассказывает об одиночестве. Лирический герой выражает желание вернуться в утробу матери, создать убежище и разделить его с другом. Ты согласна со мной?

Концепция возвращения в материнскую утробу была изложена во всех подробностях одной опытной девочкой в женской академии мисс Бодикот, но сомневаюсь, все ли я поняла.

Карла слабо кивнула. Дельце будет не таким легким, как я думала.

– Может, тебе стоит положить эти слова на музыку, – предложила я. – С твоим великим талантом...

Но не успела я договорить, как Карла запела – сначала ее голос дрожал. Она сочиняла жутковатую мелодию на ходу, и у меня мурашки бежали по коже.

Поселимся в нем мы с тобою вдвоем,
Нам будет с тобою не тесно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.